

Урок 9

О БОГЕ, ТРОИЧНОМ В ЛИЦАХ

Методические указания к уроку № 9

Цель урока:

Изложить учение церкви о Боге, Троичном в Лицах.

Раскрыть следующие темы:

– Догмат о Пресвятой Троице, его особая важность и непостижимость.

– Троичность Лиц в Боге.

Разобрать и запомнить следующие понятия: Догмат о Пресвятой Троице; Троичность Лиц в Боге.

Догмат о Пресвятой Троице, его особая важность и непостижимость

Понятиями о совершенствах Бога, единого по Существованию Своему, не исчерпывается вся глубина богопознания, какое даровано нам в Божественном Откровении. Оно вводит нас в глубочайшую тайну жизни Божества, когда изображает Бога единым по Существованию и троичным в Лицах. Знание этой глубочайшей тайны дает человеку только Откровение. Истина Божественного Троиединства — вершина Откровения Бога человеку. Если до некоторых познаний о свойствах Божественной Сущности и до признания единства Божия человек доходит путем собственных размышлений, то до такой истины, что **Бог един по Существованию и троичен в Лицах**, что есть Бог Отец, есть Бог Сын и есть Бог Дух Святой, что «в сей Св. Троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целых три Ипостаси, соприисносущны суть себе и равны» (Символ св. Афанасия), — до этой истины не может возвыситься естественными силами никакой человеческий разум, измыслить ее не в состоянии никакая человеческая мудрость.

Догмат о троичности Лиц в Боге есть догмат **Богооткровенный** в особенном и полнейшем значении этого слова, догмат собственно **христианский**. Исповедание этого догмата отличает христианина и от иудеев, и от магометан, и вообще от всех тех, которые знают только единство Божие (что исповедовали и лучшие из язычников), но не знают тайны о триипостасности Божества. По определению святого Афанасия Александрийского, христианская вера — это вера в «неизменяемую, совершенную и блаженную Троицу».

В исповедании тройческой тайны состоит совершенство богословия и истинное благочестие. Для греческих отцов учение о Святой Троице и было областью собст-

венно богословия. Усмотрев прикровенное указание на тайну Святой Троицы в словах псалма: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10), — святой Григорий Богослов пишет: «Мы ныне узрели и проповедуем краткое, ни в чем не излишествующее богословие Троицы, от Света — Отца приняв Свет — Сына, во Свете — Духа».

Догмат Троичности есть **основной** догмат христианства. На нем непосредственно основывается ряд великих догматов Церкви, и прежде всего догмат нашего Искупления. Без признания трех Лиц в Боге нет места ни учению о Боге Искупителе, ни учению о Боге Освятителе, так что, можно сказать, христианство, как в целом своем составе, так и в каждой частной истине своего учения, опирается на догмат о Св. Троице. Тайна Пресвятой Троицы, открытая Церкви, есть не только основа, но и **высшая цель богословия**, ибо, по мысли св. Евагрия Понтийского, которую разовьет впоследствии св. Максим Исповедник, познать тайну Пресвятой Троицы в ее полноте — это значит войти в совершенное соединение с Богом, достичь обожания своего существа, т. е. войти в Божественную жизнь: в самую жизнь Пресвятой Троицы.

Являясь краеугольным камнем христианского вероучения, догмат о Пресвятой Троице в то же время есть догмат **таинственный** и на уровне рассудка **непостижимый**. Наш разум бессилен понять, каким образом Троица одновременно есть и Единица; как «одно и то же соединено и отдельно» или что это за необычайное «разделение соединенное» и «единение разделенное» (свт. Василий Великий). По мысли святого Григория Нисского, человек, просвещаемый Святой Троицей, хотя и получает некоторое «скромное боговедение», не может, однако же, «уяснить словом этого неизреченной глубины таинства: как одно и то же числимо, и избегает счисления, и раздельным кажется, и заключается в единице». Утверждение, что Бог одинаково и Единица и Троица (т. е. одновременно и то и другое), представляется нашему рассудку противоречивым. В силу ограниченности человеческого разума тайна Святой Троицы не может быть точно выражена в слове. Ее можно в известной мере постигать только в опыте духовной жизни. «Не успею помыслить об Едином, как озаряюсь Тремя. Не успел разделить Трех, как возношусь к Единому», — восклицает святитель Григорий Богослов. К Богу, в частности, неприменима привычная для нас категория числа. Рассматривая свойства чисел и пытаясь приблизиться к тайне числа «три», святитель Григорий Богослов отмечает внутреннюю полноту этого числа, так как 1 — число скудное; 2 — число разделяющее, а 3 — первое число, которое превосходит и бедность единицы, и разделение двоицы. Оно одновременно содержит в себе и единство (1) и множество (3).

Впрочем, как отмечали отцы Церкви, к Богу неприменимо никакое вещественное число, ни 1, ни 3, потому что исчислять можно только предметы, разделенные пространством, временем и силами. Но Божественная Троица есть абсолютное Единство. Между Лицами Святой Троицы, по словам св. Василия Великого, нет никакого промежутка, нет ничего вставного, никакого сечения или разделения. В ответ на обвинения в трибожии святитель Василий Великий пишет: «Мы не ведем счет (Богов),

переходя от одного до множественности путем прибавления, говоря один, два, три или первый, второй, третий, ибо *Аз первый и Аз по сих, кроме Мене несть Бога* (Ис. 44, 6). Никогда до сего дня не говорили: “второй Бог” (или “третий”), но поклонялись Богу от Бога... исповедуя единство Божества».

Откровение о Святой Троице представляется апорией (*греч.* неразрешимое противоречие) только для нашего ограниченного рассудка. В самой Божественной жизни нет никаких антиномий, или противоречий. Святые отцы опытно созерцали Единую Троицу, в Которой, как это ни парадоксально, единство нисколько не противоречит троичности. Так, достигший совершенства в боговидении, святитель Григорий Палама пишет, что Бог есть «Единица в Троице и Троица во Единице, неслитно соединяемая и нераздельно различаемая. Единица, Она же и Троица всемогущая».

Для того чтобы удостоиться созерцания Святой Троицы, нужно достичь состояния обожения. Святитель Григорий Богослов пишет: «Будут сонаследниками совершенного света и созерцания Пресвятой и Владычной Троицы... те, которые совершенно соединятся с совершенным Духом, и это будет, как я думаю, Царство Небесное». Дух Святой, от Отца исходящий и в Сыне почивающий, отверзал святым отцам ум к познанию тайны Божественного Троиединства.

Ни за какую иную христианскую истину не было столь напряженной борьбы в истории древней Церкви, как за этот догмат о Пресвятой Троице и за вопросы, непосредственно с ним связанные.

Первенствующие христиане исповедовали Отца и Сына и Св. Духа в формуле крещения, в Символах веры, развившихся на основании этой формулы, взятой из Евангелия (Мф. 28, 19), в славословиях Св. Троицы, богослужебных песнопениях и мученических исповеданиях веры, но в частнейшие определения свойств и взаимных отношений Лиц Святой Троицы не входили. Они смотрели на христианское учение не как на учение человеческое, а как на непреложное слово Божие; усвоив его живой верою, они содержали это учение во всей чистоте, ничего не изменяя, не прибавляя и не убавляя в нем, равно не усиливаясь и решить неразрешимые вопросы, представляемые этим учением. Мужья апостольские в своих посланиях, когда говорили о Троице, то повторяли почти с буквальной точностью изречения апостольские, считая излишним что-нибудь говорить от себя; в умах и сердцах их современников было еще живо и памятно слово апостольское.

Были среди первенствующих христиан и такие, которые не смогли изменить главнейших и привычных воззрений иудейства или языческой философии, а вместе с этим усвоить и новое понятие о Боге, даваемое христианством. Среди таких христиан обнаружили первые попытки примирить свои прежние воззрения с новыми; плодом этих попыток было появление ересей, так называемых иудействующих и гностиков.

В борьбе с этими ересями было положено начало научно-богословскому раскрытию учения о Св. Троице. Сделано это было христианскими апологетами — св. Иустином Философом, Татианом, Афинагором, св. Феофилом Антиохийским, св.

Иринеем Лионским и св. Климентом Александрийским. Раскрывалось ими учение о Св. Троице в том же духе, как и у мужей апостольских. Все они одинаково исповедовали, что есть Бог единый и безначальный, есть вечный и единосущный Отцу Сын Божий, личный Бог Слово, воплотившийся в Иисусе Христе, есть, наконец, Дух Святой, вечно исходящий от Отца, Бог личный самостоятельный.

Церковь III века веровала в этот догмат вполне православно. Свидетельством этого может служить «Изложение (символ) веры» святого Григория Чудотворца. Кратко и в целостном виде в нем выражено то, что составляло содержание общецерковной веры в Св. Троицу.

«Изложение веры» св. Григория читается так:

«Един Бог Отец Слова Живаго, Премудрости и Силы самосущей, и образа Вечнаго; Совершенный Родитель Совершеннаго, Отец Сына Единороднаго.

Един Господь; единый от единаго, Бог от Бога, образ и выражение Божества, Слово действенное, Мудрость, содержащая состав всего, и Сила, зиждущая все творение; Истинный Бог Истиннаго Отца, Невидимый Невидимаго, Нетленный Нетленнаго, Бессмертный Бессмертнаго, Вечный Вечнаго.

И един Дух Святой, от Бога исходящий, посредством Сына явившийся (т. е. людям); Жизнь, в которой причина живущих; Святой Источник; Святыня, подающая освящение. Им является Бог Отец, Который над всем и во всем, и Бог Сын, Который чрез все.

Троица совершенная, славою и вечностью и царством нераздельная и неразлучная. Почему нет в Троице ни сотвореннаго, ни служебнаго, ни привходящаго, чего бы прежде не было, и что вошло бы после. Ни Отец никогда не был без Сына, ни Сын без Духа, но Троица непреложна, неизменна и всегда одна и та же».

На Вселенском Соборе в Никее (325 г.) в составленном под руководством Духа Святаго Символе веры дано было точное определение учения о Втором Лице Св. Троицы, получившее догматическое и обязательное значение для всей Церкви. Оно таково: «Веруем... во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, рожденнаго от Отца (т. е. из Сущности Отца), Бога от Бога, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша, яже на небеси и на земли».

Вместе с этим были анафематствованы и все главнейшие положения учения Ария. А сам он и его единомышленники были отлучены от Церкви.

В 381 году был созван Второй Вселенский Собор. В краткий член Никейского вероопределения о Духе Святом: «веруем... и во Святаго Духа» — отцами II Вселенского Собора были внесены следующие дополнительные положения: «Господа Животворящаго (т. е. что Дух Святой не тварь), Иже от Отца исходящаго (т. е. что Он не через Сына произошел), Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима (т. е. что Он не служебное существо), глаголавшаго пророки». Эти дополнения являлись в существ-

ве лишь только более полным раскрытием и определением того, что в нем уже содержалось.

В Никео-Цареградском вероопределении дано ясное, точное и определенное учение о единосущии Лиц Св. Троицы в смысле безусловного **тождества** и **равенства** Их по Существу, а вместе с этим и учение об Их ипостасных различиях. Под знаменем этого вероопределения, в борьбе с еретиками, православными пастырями и учителями Церкви раскрываемо было и частнейшим образом учение о Св. Троице. Между ними особенно славны имена великих вселенских учителей и святителей Афанасия и Василия Великих, Григория Нисского и Григория Богослова. На Западе наиболее сильным и знаменитым защитником Православия против арианства был св. Иларий Пиктавийский († 368).

Изложение веры, составленное под руководством Духа Святаго отцами I и II Вселенских Соборов и частнее разъясненное вселенскими учителями IV века, по определению III и последующих Вселенских Соборов не должно было подлежать ни дополнениям, ни сокращениям и, следовательно, должно оставаться навсегда неизменным и неприкосновенным, неизменным даже по букве. Сообразно с этим Вселенская Церковь во все последующее время не делала ни дополнений к Никео-Цареградскому определению догмата о Св. Троице, ни убавлений его, не приходила даже и к мысли о надобности каких-либо дополнительных определений догмата. Это, как и самое запрещение изменять символ, вытекало из того именно убеждения, что в кратких, но многосодержательных положениях Символа исчерпано и выражено все, что открыто Богом о Св. Троице и было древнецерковным учением, поэтому пытаться знать о Св. Троице более того, что в нем содержится, было бы неуместной и бесплодной смелостью. Главной заботой Церкви поэтому сделалась забота о целостном и неповрежденном сохранении догмата в той форме, какую он получил в Никео-Цареградском вероизложении. Поэтому и те из отцов и учителей Церкви после II Вселенского Собора, которые были верными и точными выразителями вселенского учения о Св. Троице, лишь только разъясняли применительно к потребностям своего времени, но без всяких существенных изменений, добавлений или убавлений, то, что унаследовано было ими от Соборов и отцов IV в. Таково было учение о Св. Троице в V в. — св. Кирилла Александрийского, св. Феодорита Кирского, в VI в. — св. Анастасия Антиохийского, в VII в. — св. Максима Исповедника и его знаменитого сподвижника в борьбе с монофелитством Софрония, патриарха Иерусалимского, в VIII в. — св. Иоанна Дамаскина. Таковым же осталось в Восточно-православной Церкви отношение к догмату о Св. Троице и к Никео-Цареградскому вероопределению и после разделения церквей, таковым остается и доньше. По примеру вселенских учителей Церкви, писатели Восточной Церкви раскрывают то, что принято от древней Церкви. Изменялась и изменяется сообразно с потребностями времени лишь форма раскрытия догмата, но содержание остается неизменным. Итак, отличительной чертой учения о Св. Троице стало хранение догмата в выработанной в IV веке и выраженной в симво-

ле-форме. С этой точки зрения рассматривались и рассматриваются на Востоке и вновь возникающие после II Вселенского Собора учения о Св. Троице. Истинным признается то, что согласно по существу с Никео-Цареградским вероопределением; ложным, ересью — то, что противно ему или не заключается в нем.

Некоторые из западных учителей, поддерживая согласие с древней Вселенской Церковью в общем учении о Св. Троице — единосущии и ипостасности Лиц, в частном учении о Сыне и Духе отступили от нее, став учить, чему она никогда не учила — исхождению Духа Святаго не от Отца только, но и от Сына.

В таком извращенном виде исповедуется догмат о Св. Троице Западной церковью до сих пор. Римская церковь, возведя на степень догмата учение об исхождении Св. Духа и от Сына, вступила на путь рационализма. Проявлением же рационалистического отношения к Откровению это можно назвать потому, что учение о *Filioque* заимствовано не из Божественного Откровения, а есть произвольный вывод разума человеческого, ставшего в прямое противоречие с Божественным Откровением и авторитетом вселенского предания. Этот же дух сказался в возведении ею на степень догматов и других частных мнений. От нее усвоен был этот дух и протестантством, которое уклонилось от древнецерковного исповедания в своем вероучении еще далее. Но с особенной силой он выразился в протестантском сектантстве, явившемся последней переходной ступенью уже к строгому и чистому рационализму. Отсюда в выделившихся из протестантства христианских обществах возник новый ряд еретических учений о Св. Троице; всеми ими впрочем в большей или меньшей степени лишь повторяется то, что высказывалось древними еретиками.

Все заблуждения касательно догмата о Св. Троице — и древнейшие, и новейшие — проистекали из одного источника, а именно из нарушения разумом тех границ, которых он должен держаться по отношению к Откровению вообще. Догмат о Троице есть таинство таинств, чего разум не должен никогда забывать. Поэтому, если и вообще в объяснении религиозных истин разум должен находиться в подчинении авторитету Откровения и Церкви, то особенно в объяснении учения Откровения об этой истине необходимо строго держаться верования Церкви, охранявшей и защищавшей этот догмат от всех еретических мнений и изложившей его для руководства православным со всей возможной точностью.

Догмат о Св. Троице изложен Церковью во всех трех символах, ныне употребляющихся в ней, — в Символе св. Григория Чудотворца, в Никео-Цареградском и в так называемом Символе св. Афанасия. В последнем учение о Троице выражено с наибольшей полнотой и ясностью, и именно так:

«Вера кафолическая сия есть: да единаго Бога в Троице, и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе Ипостаси, ниже Существо разделяюще. Ина бо есть Ипостась Отца, ина Сыновня, ина Святаго Духа.

Но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа, едино есть Божество, равна слава, соприусушно величество. Каков Отец, таков и Сын, таков и Святой Дух... Тако: Бог Отец, Бог Сын, Бог и Дух Святой: обаче не три бози, но един Бог...

Отец ни от кого есть сотворен, ни создан, ниже рожден. Сын от Отца Самого есть не сотворен, ни создан, но рожден. Дух Святой от Отца не сотворен, не создан, ниже рожден, но исходящ...

И в сей Троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три Ипостаси, соприусушны суть себе и равны».

Таким образом, учение Православной Церкви о Пресвятой Троице слагается из **трех положений**:

1. В Боге, едином по Существо, **три Лица** или Ипостаси: Отец, Сын и Святой Дух.

2. Три Лица в Боге равны между Собою и единосущны: и Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Дух Святой есть Бог, — но не три бога, а **один Бог**.

3. Все Лица Троицы различаются между Собою **личными свойствами**: Отец не рожден ни от кого, Сын рожден от Отца, Дух Святой исходит от Отца.

Отсюда, догмат о Пресвятой Троице включает в себе три следующие догмата: 1) догмат о троичности Лиц в Боге при едином Существо; 2) догмат о равенстве и единосущии Божеских Лиц и 3) догмат о различии Божеских Лиц по Их личным свойствам.

Троичность Лиц в Боге

«Бог присновоспеваемый и славимый, то есть безначальный Отец, собезначальный Сын Отца и Дух Святой, соприусушный и единосущный Отцу и Сыну, есть едино естество и слава, Троица единосущная, единое Божество, равночестная и триипостасная сущность, начало всего сущего и вседетельная сила, единопрестольная и единославная, вседержительное господство и царство. Сей Бог единый, когда созерцается и веруется в единстве естества, единично и поклоняем бывает от нас яко Бог единый; когда же исповедуется Троицей, троично и от нас воспевается, то есть в трех отдельных Лицах...» (св. Симеон Новый Богослов).

Когда Церковь научает нас веровать в троичность Божества, то она указывает этим прежде всего на необходимость иметь живую уверенность в бытии **трех Лиц** в Божестве. Это значит, что Отец, Сын и Св. Дух должны быть признаваемы не как три свойства, или силы, или явления и действия одного и того же Божеского Лица, а как три между собой, действительно, различные Лица Божества.

Один и тот же Бог есть три по ипостасям и един по единности существа и естества. Православная Церковь научает так веровать: «Да единаго Бога в Троице и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе Ипостаси, ниже существо разделяюще».

Ниже сливающе Ипостаси: т. е. признавая Отца, Сына и Св. Духа не за три только имени, или образа, или проявления одного и того же Бога, не за три также

свойства Его или силы, или действия, но за **три самостоятельные Лица Божества**, поскольку каждое из Них — и Отец, и Сын, и Св. Дух, обладая Божеским умом и прочими Божескими свойствами, имеет Свое особенное, личное свойство: «ина бо есть Ипостась Отча, ина Сыновня, ина Святаго Духа».

Ниже существо разделяюще: т. е. представляя, что Отец, Сын и Св. Дух суть едино по естеству, существуют нераздельно один в другом и, различаясь между собою только по личным свойствам, имеют тождество ума, воли и всех прочих Божеских свойств, — а совсем не так, как существуют три неделимые какого-либо класса существ между тварями, имеющие одну природу. «Между тварями, — скажем словами св. Иоанна Дамаскина, — общая природа неделимых усматривается только разумом: потому что неделимые не существуют одно в другом, но каждое особо и отдельно, т. е. само по себе, и каждое имеет много такого, чем от другого отличается. Они отделяются по месту и времени, различны по расположениям воли, по крепости, по внешнему виду или образу, по навыкам, по темпераменту, по достоинству, по роду жизни и по прочим отличительным свойствам, а более всего потому, что существуют не одно в другом, но отдельно. Потому-то говорится: два, три человека и многие. Но в святой, пресущественной, всепревосходящей, непостижимой Троице видим иное. Здесь общность и единство усматриваются на самом деле, по совечности Лиц, по тождеству сущности, действия и воли, по согласию определений, по тождеству, не говорю — по подобию, но по тождеству власти, могущества и благодати и по единому устремлению движения... Каждая из Ипостасей имеет единство с другой не меньше, как сама с собою: т. е. Отец, Сын и Дух Святой во всех отношениях, кроме нерожденности, рождения и исхождения, суть одно, разделяются только в умопредставлении. Ибо единого знаем Бога, а только в свойствах, отчества, сыновства и исхождения представляем различие... В неограниченном Божестве нельзя допустить, как в нас, ни местного расстояния, потому что Ипостаси существуют одна в другой, но так, что не слиты, а соединены, по слову Господа: *Аз во Отце и Отец во Мне* (Ин. 14, 11); — ни различия воли, определений, действия, силы, или чего другого, что в нас производит действительное и совершенное разделение. Поэтому Отца, Сына и Духа Святого признаем не тремя богами, но единым Богом во Св. Троице».

В том-то и заключается вся непостижимость таинства Пресвятой Троицы, что три самостоятельные Лица Божества суть едино по существу и совершенно нераздельны; а если бы Они существовали отдельно друг от друга, как три неделимые между тварями, тут не было бы для нас ничего непостижимого. «Божество единица и Троица есть. О преславнаго обращения! Соединяемая естеством, делится Лицы свойственно, несекома бо сечется, едино сущи троится: сия Отец есть, Сын и Дух живой, соблюдающая все» (Из Триоди Постной).

Указания на троичность Лиц в Боге в Ветхом Завете

Впервые термин «Троица» введен в богословие апологетом II века святителем Феофилом Антиохийским, но это не означает, что до того времени Святая Церковь не исповедовала троичной тайны. Истина о том, что в Боге действительно три Лица, возвещена нам в возможно ясном свете в Новом Завете, когда уже день озарил и денница воссияла в сердцах наших (2 Пет. 1, 19). В ветхозаветные времена Божественная Премудрость, приспособляясь к уровню восприятия еврейского народа, склонного к многобожию, открывала, прежде всего, единство Божества.

Святой Григорий Богослов пишет: «Ветхий Завет ясно проповедовал Отца, а не с такой ясностью Сына; Новый открыл Сына и дал указание о Божестве Духа; ныне пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание. Небезопасно было прежде, нежели исповедано Божество Отца, ясно проповедовать Сына и прежде, нежели признан Сын (выражусь несколько смело), обременять нас проповедью о Духе Святом и подвергать опасности утратить последние силы, как бывало с людьми, которые обременены пищей, принятой не в меру, или слабое еще зрение устремлять на солнечный свет. Надлежало же, чтобы Троичный свет озарял просветляемых постепенными прибавлениями, поступлениями от славы в славу».

Тем не менее прикровенные указания на троичность Божества имеются в ветхозаветных текстах. Их можно разделить на три группы:

I. Указания вообще на множественность Лиц в едином Боге без определения их числа.

Сюда относятся прежде всего начальные слова Бытописателя: *В начале сотвори Бог небо и землю* (Быт. 1, 1). «В этом месте еврейского текста слово *Элогим*, собственно Боги, выражает некоторую множественность, между тем, как речение *сотворил* показывает единство Творца. Догадка о указании таким образом выражения на таинство Св. Троицы заслуживает уважения», — разъясняет святитель Филарет Московский.

Такие же прикровенные указания даются в тех изречениях книги Бытия, в которых Бог представляется беседующим и совещающимся с Лицами сознательными и равными Ему по Божеству. Таковы слова Божии: перед сотворением человека — *Сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1, 26); перед изгнанием падших прародителей из рая — *Се, Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое* (Быт. 3, 22); перед смешением языков и рассеянием людей по столпотворении — *Приидите и сошедше смесим тамо язык их, да не услышат кийждо глас ближняго своего* (Быт. 11, 7). Если не признавать во всех этих выражениях прикровенного указания на троичность Лиц в Боге, то трудно дать удовлетворительное их объяснение.

II. Указания на то, что в Боге именно три Лица, но без наименования и различия Их.

Более ясное свидетельство о троичности Бога усматривается в явлении Аврааму Бога у дуба Мамврийского в виде трех мужей, которым Авраам, по толкованию учителей Церкви, поклонился как Единому. *Явися же ему (Аврааму) Бог у дуба Мамврийска, сидящу ему пред дверми сени своя в полудни. Воззрев же очима своими, виде, и се, трие мужие стояху над ним: и виде притече в сретение им от дверей сени своя и поклонися до земли и рече: Господи, аще убо обретох благодати пред Тобою, не мини раба Твоего* (Быт. 18, 1—3). Узрев трех, Авраам уразумел таинство Пресвятой Троицы, а поклонившись как бы Единому, исповедал единого Бога в трех Лицах. В этом же смысле понимается это Богоявление в Православном исповедании, в церковных песнопениях и иконографии; древнейшим изображением Св. Троицы было именно изображение явления Аврааму Бога в виде трех странников.

Сам Бог, заповедуя иудейским священникам благословлять сынов Израилевых, повелел произносить при этом следующие слова: *Да благословит тя Господь и сохранит тя; да просветит Господь лице Свое на тя и помилует тя; да воздвигнет Господь лице Свое на тя, и даст ти мир* (Чис. 6, 24—26). Три раза произносится здесь имя Иеговы, исключительно принадлежащее одному Богу. В этом благословении обнаруживается явное соответствие словам другого благословения, выраженного в Новом Завете св. апостолом Павлом и заключающего в себе ту же мысль: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми* (2 Кор. 13, 13).

Псалмопевец говорит в одном месте: *Словом Господним (Господа — Иеговы) небеса утвердишася и Духом уст Его вся сила их* (Пс. 32, 6). И здесь, по мнению св. отцов, намек на троичность Лиц в Боге, потому что упоминаются в Нем три, участвовавшие в деле творения: Господь, Слово Его и Дух. И в других местах Писание, действительно, приписывает дело творения не только Богу Отцу, но и слову Его, или Сыну, и Св. Духу и представляет Их в этом случае как Божественные Лица (Ин. 1, 1—3; Быт. 1, 2; Иов. 33, 4).

Другое общее указание на тайну Св. Троицы дается в троекратном воззвании Серафимов к Богу: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф* (Ис. 6, 3), которое слышал пророк Исаия при избрании в пророческое служение. Само по себе троекратное *Свят*, конечно, не заключает в себе мысли о троичности Божией; в Писании троекратное повторение одного слова нередко употребляется только для усиления мысли (Пс. 95, 7—8; Ис. 24, 18—19; Иер. 7, 4; 22, 29; Иез. 21, 27 и др.). Но если рассматривать те же слова в связи с параллельными местами Нового Завета, то нельзя не видеть в них указания на троичность Бога.

III. Указания на личность и Божество каждого из Лиц Св. Троицы, с упоминанием самых Их Имен. В одних из них указывается второе Лицо Св. Троицы — **Сын Божий**, с различием от первого Лица — **Бога Отца**, в других — третье Лицо — **Дух Святой**, с различием от другого Божеского Лица.

1. Указания на **Ипостась Сына** можно видеть в изображениях Ангела — Иеговы — при описании истории некоторых Богоявлений, в учении о Премудрости Божией, но особенно в обетованиях и пророчествах о Мессии Боге.

а) Моисей, описывая Богоявления, бывшие во времена патриархов: Агари сначала у источника на пути к Суру (Быт. 16, 7—14), потом у клятвенного колодезя (Быт. 21, 17—19); Аврааму, когда он решил принести своего сына в жертву Богу (Быт. 22, 10—18); Иакову во сне перед возвращением его из дома Лаванова в родную землю (Быт. 31, 11—13) и, когда он боролся с Богом (Быт. 32, 24—30); Валааму, когда он шел проклинать народ израильский (Чис. Гл. 22—23), а также бывшее ему самому (Моисею) в огненной купине (Исх. 3, 2—15) — являющегося именуется часто Ангелом — **Иеговою и Ангелом Иеговы** — и изображает как Лицо Божественное, приписывает Ему власть, силу и действия, свойственные только Богу. В Восточной Церкви с древних времен утвердилось мнение, что в лице Ангела Иеговы открывался и действовал Сам Сын Божий.

б) От Господа отличается в Ветхом Завете еще Его **Премудрость** и в некоторых местах изображается прямо как самостоятельная Личность, отражающая в себе премудрость Бога и выражающая ее во вне — в мире. В канонических книгах наиболее ясное изображение ее в Притчах Соломона (Притч. 8, 22—31).

в) Но всего яснее указания на Ипостась Сына и Его Божественное достоинство в пророчествах о Мессии, например: *Господь рече ко Мне: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя* (Пс. 2, 7); *Рече Господь Господеву (один Бог другому Богу) моему: седи одесную Мене* (Пс. 109, 1); *Прежде денницы родих Тя* (Пс. 109, 3); *Помаза Тя, Боже, Бог Твой, елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44, 8). У пророка Исаии Ему усвоятся наименования: *отрасль или ветвь Иеговы* (т. е. что вырастает из существа Иеговы или Его Сын — Ис. 4, 2); *Еммануил* (Ис. 7, 14), что значит *С нами Бог* (Мф. 1, 23); *Чуден Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец будущего века* (Ис. 9, 6), — показывающие и Его отдельность от Иеговы, и Божеское достоинство.

2. Есть в Ветхом Завете указания, весьма впрочем прикровенные, и на бытие **Духа Святаго**, как Ипостаси Божией. Первое такое указание содержится в словах Бытописателя: *Дух Божий ношашеся верху воды* (Быт. 1, 2). Действие, приписываемое Духу Божию словом *ношашеся*, есть действие творческое, следовательно, принадлежащее Божескому Лицу, и не Тому, Кто всеильным словом Своим — *да будет* — нарицал *не суцая яко суцая* (Рим. 4, 17). Яснее указывается в Ветхом Завете на особенность Личности Духа Божия, когда говорится о Нем, что от Него зависит водительство людей *в землю правды* (Пс. 142, 10), что Он был посылаем Богом к пророкам для их наставления (Зах. 7, 12), так что их слова были Его словами (2 Пар. 23, 2), а наиболее ясно — в связи с пророчествами о Мессии у Исаии: *Господь посла Мя и Дух Его* (Ис. 48, 16); *Дух Господень на Мне, Егоже ради помаза Мя* (Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня) *благовестити нищим посла Мя, изцелити сокру-*

шенныя сердцем, проповедати пленником отпущение и слепым прозрение (Ис. 61, 1; ср. Лк. 4, 18—21; Ис. 11, 2—3).

Таким образом, тайна о Святой Троице была открываема и во все ветхозаветные времена сообразно с духовным состоянием ветхого Израиля, их приемлемостью, нуждами и обстоятельствами. Совершенно ложно поэтому утверждение позднейших иудеев, будто учение о Троице — новое учение. Лучше других понимавшие Откровение, они, действительно, имели познание о троичности Божией. Доказательством этому служит и само новозаветное Откровение. Оно показывает, что Иисус Христос, когда излагает учение о троичности Лиц, — излагает его не как новое учение, неслышанное доселе, а как известное более или менее, и даже ссылается на свидетельство ветхозаветных писаний в подтверждение Своего учения о Себе, как Сыне Божиим, а также о Св. Духе (Ин. 5, 39, 46; Лк. 24, 27; Мф. 22, 42—45; Ин. 7, 38). Это подтверждается и тем, что те же самые иудеи, которые восставали против разных предметов учения Спасителя, ничего не говорили против Его учения о Св. Троице, т. е. не представляли, что это учение новое, неслышанное, неудобоприемлемое, равно и тем, что уверовавшие в Него не находили его противным учению ветхозаветных писаний и всецело и искренно его принимали (таковы, например, Иоанн Креститель, апостолы, Никодим, самарянка с жителями г. Сихаря и др.). В Ветхом Завете вера в троичность Бога только не имела такого всеобщего и обязательного значения, какое получила в Новом Завете.

Свидетельства Нового Завета о троичности Лиц в Боге

Троичность Лиц в Боге ясно проповедуется после Пришествия Сына Божия и составляет одну из основных истин Евангельского Благовестия.

В Евангелиях преимущественно проповедуется об Отце, Который *также возлюбил мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16), и о Сыне, Который воплотился и совершил великое дело нашего искупление; в Деяниях и Посланиях Апостольских — преимущественно о Св. Духе, Которого Спаситель ниспослал вместо Себя апостолам и Который с тех пор начал великое дело нашего возрождения и освящения.

Места, в которых утверждается, что Бог действительно троичен и что троичность эта состоит в том, что в Боге три Лица, можно разделить на два класса: в одних из них указывается действительность троичности Божией и личность всех трех Лиц Божества **вместе**, а в других — личность того или другого Лица **в частности** и отдельность его от других Лиц.

1. Свидетельств о действительной личности **всех трех Лиц Божества вместе** в Новом Завете много.

Прежде всего тайна троичности была приоткрыта во время Крещения Господня (Мф. 3, 16—17), отсюда и само Крещение называется Богоявлением, то есть явлением

Бога — Троицы. Воплотившийся Сын Божий был крещаем в Иордане, Отец свидетельствовал о возлюбленном Сыне, а Дух Святой почил на Нем в виде голубя, подтверждая истинность гласа Отца (так говорится в тропаре Крещения). С тех пор таинство святого крещения является для уверовавших дверью, открывающей путь соединения с Божественной Троицей, имя Которой знаменуется на нас в день крещения по заповеди Спасителя: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19). Это еще одно прямое указание на Триединство Божества. Комментируя данный текст, святой Амвросий замечает: «Сказал Господь: **во имя**, а не во имена, потому что один Бог; не многие имена: потому что не два Бога, не три Бога».

Второе главнейшее свидетельство — это свидетельство Самого Иисуса Христа в последней Его беседе с учениками перед крестными страданиями (Ин. Гл. 16—17). Утешая их в предстоящей с Ним разлуке, Он говорил им: *Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век... Утешитель же, Дух Святой, Егоже пошлет Отец во имя Мое, Той вы научит всему и воспомянет вам вся, яже рех вам* (Ин. 14, 16, 26). Здесь еще яснее различаются все три Лица Св. Троицы как Лица: **Сын**, Который говорит о Себе: *Аз умолю Отца*; **Дух Святой**, Который называется иным Утешителем, следовательно, отличен от Сына; Он послан будет **Отцом**, следовательно, отличен от Отца, послан для того, чтобы заменить для апостолов Сына и научить их всему, а значит, есть такое же Лицо, как и Сын.

Есть ясные свидетельства о действительной личности всех трех Лиц Божества вместе и в Посланиях апостольских. Ап. Павел, например, пишет: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и общение Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. 13, 13). Апостол Иоанн также пишет: *Трие суть свидетельствующие на Небеси, Отец, Слово и Святой Дух. И Сии три едино суть* (1 Ин. 5, 7). Последние тексты, говоря о Трех равнобожественных Лицах, подчеркивают личностность Сына и Духа, Которые наравне с Отцом подают дарования и свидетельствуют об Истине.

2. В Новом Завете есть немало и таких свидетельств, в которых отдельно показывается **в частности** личность того или другого Лица Троицы и отдельность его от других Лиц.

Что **Бог Отец** есть Лицо, а не безличное какое-либо бесконечное начало, это ясно уже из того, что Бог не только по учению Откровения, но и по требованию здоровой естественной мысли человеческой должен быть представляем не иначе, как личностью. Понятно, что все те черты, в которых Откровение изображает личность Божества, ближайшим образом относятся к первому Лицу Св. Троицы. Поэтому-то и еретики, отвергавшие личность Сына и Духа Святаго, не отвергали личности Отца. Но новозаветное учение о Боге, открывая тайну Триипостасности Божией, показывает не только личность Отца (когда изображает Его личным Духом со всеми свойствами личности), но и отдельность личности Отца от других Божеских Лиц. Это указывается уже в самом наименовании Его *Отца*, когда оно усваивается Ему не для обозначения

внешних отношений Его к миру и человеку, но для обозначения Его ипостасного различия от других Божеских Лиц. Ясно, что Отец есть не то же, что Сын или Дух Святой в триипостасном Существое Божиим, не иная Личность. То же видно и из усвояемых Ему свойств. Об Отце, например, говорится: *Никтоже знает Сына, токмо Отец* (Мф. 11, 27). Этими словами показывается, что Отец сознает Себя Отцом и не смешивает Себя с Сыном, следовательно, представляет иное Лицо. Эта же мысль и в словах Спасителя об Отце: *Отец бо любит Сына и вся показывает Ему, яже Сам творит* (Ин. 5, 20). Любящий не может не отличать себя от любимого Лица и, следовательно, есть особое Лицо. И подобных свидетельств в Писании Нового Завета очень много. Ясно, что если Отец есть отличное от Сына Лицо, то Он отличен и от Духа Святаго, от Него исходящего (Ин. 15, 26).

Сын Божий также есть Лицо, отличное от Отца и Духа Святаго, а не тот же Отец, только открывшийся в образе Сына, равно не сила или свойство Его. Он Сам учил: *Якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца* (Ин. 10, 15; 17, 25; Мф. 11, 27; Лк. 10, 22); *Люблю Отца, и якоже заповеда Мне Отец, тако творю* (Ин. 14, 31); *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5, 17, 36; 17, 4). Указывая на свидетельство о Себе Отца, Он говорит: *Ин есть свидетельствуй о Мне* (Ин. 5, 32). Все эти изречения показывают, что Он есть отличное от Отца Лицо. Наиболее ясное учение о Святом Духе содержится в прощальной беседе Спасителя с учениками (Ин. Гл. 14—16). Уже самое название Его здесь *Утешителем* показывает, что Он есть Личность, а не свойство или сила Божия, ибо оно применимо только к личности. Прибавление же *иной* еще более усиливает его значение в означенном смысле. Раскрывая подробнее учение об этом Утешителе, Спаситель указывает, что этот Дух, быв послан Им от Отца, наставит апостолов на всякую истину, напомнит о всем, чему учил Сын, причем Он не Свое будет говорить, а что **услышит** от Отца, от Которого возьмет и самое учение. Кроме того — Он возвестит будущее (Ин. 16, 13—15), а также *обличит мир о гресе и о правде и о суде* (ст. 8), *прославит Сына* (ст. 14). Все это такие свойства и действия, которые не могут быть приложимы к одной безличной силе или свойству Божию, а необходимо заставляют признать в Духе-Утешителе Существо, действующее с самосознанием и волею. Показаны Спасителем и отличность Духа Святаго от Лица Сына, имеющего *умолить* Отца о ниспослании Духа.

В учении апостолов о **Святом Духе** мысль о Его личном бытии особенно ясно выражена апостолом Павлом. Преподаявая наставление о различии духовных дарований (1 Кор. 12, 1—13), он ясно различает от них Раздаятеля — Духа Святаго, и притом так, что показывает в Раздаятеле разумение, свободную волю и могущество: *Разделения же дарований суть, а тойжде Дух* (дарования различны, но Дух один и тот же)... *Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо якоже хочет* (1 Кор. 12, 4, 11). О том же Духе Святом говорится в Писании, что Он поставляет епископов (Деян. 20, 28), говорит устами пророков (2 Пет. 1, 21; Деян. 1, 16; 2, 26). Все это такие действия, которые приличествуют только Лицу.

В заключение должно заметить, что действительность и отдельность Божеских Лиц ясно предполагается и во всех тех изречениях Писания, где говорится о личных свойствах Св. Троицы и отношении Лиц Св. Троицы к миру. **Личные свойства** Их таковы: Отец рождает Сына, Сын рождается от Отца, Дух Святой исходит от Отца. **Отношение** же Лиц Святой Троицы к миру Откровение изображает так: Отец посылает Сына в мир для спасения людей; Сын воплощается, совершает тайну спасения, возносится к Отцу и умоляет Его ниспослать Святаго Духа; Дух Святой приходит в мир и действием благодати довершает дело спасения, совершенное Сыном, прилагая его к каждому человеку.

Вера Апостольской Церкви в троичность Лиц Божества

Истина о Пресвятой Троице исповедуется Христовой Церковью изначала во всей ее полноте и целостности. Церковь, следуя ясным свидетельствам Откровения, научает исповедовать Отца, Сына и Святаго Духа как три самостоятельные Лица Божества. Свидетельствами такого верования первенствующей Церкви служат:

1. **Древние Символы веры**, употреблявшиеся в разных поместных Церквах. По своему происхождению они восходят ко временам апостольским.

2. **Вероизложения, встречающиеся у древних учителей Церкви.** В Символе св. Григория Чудотворца не только выражено исповедание троичности Лиц в Боге, но со всей точностью определены и взаимные отношения Лиц Божественных.

3. **Некоторые священнодействия и обычаи** первенствующей Церкви, такие как:

а) священнодействия крещения. По заповеди Спасителя, оно совершалось всегда во имя Св. Троицы, и чтобы яснее выразить исповедание трех Лиц в Божестве, трижды погружали крещаемого в воду;

б) малое славословие Св. Троицы. Древнейшие его формы таковы: «Слава Отцу чрез Сына во Святом Духе» и «Слава Отцу с Сыном и Святым Духом»; иногда: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», или: «Ему же (Христу) со Отцем и Святым Духом честь и слава во веки веков» и подоб. Древность такого славословия — употребление его с того самого времени, как возвещено Евангелие, — св. Василий Великий доказывает свидетельствами святых отцов Климента Римского, Иринея, Дионисия Александрийского, Дионисия Римского и др. Звучало оно во всем христианском мире — как в восточных, так и западных Церквах. Святитель Василий Великий приводит также следующие слова светильничного благодарения: «Хвалим Отца и Сына и Святаго Духа Божия».

в) вечерняя песнь «Свете тихий», которую тот же св. Василий Великий называет «песнею древнею». И не только в этих, но и во многих других песнопениях прославлялась в древней Церкви Божественная Троица Ипостасей. Св. Иустин, говоря

язычнику о христианском богослужении, пишет: «Отца и Того, Кто пришел от Него, — Сына, и Духа пророческого чтим и обожаем».

4. Литургии.

5. **Мученические исповедания веры.** Давая отчеты в вере гонителям своим, мученики вслух исповедовали веру Церкви в Троицу; их исповедание записывалось свидетелями и очевидцами. Исповедание свое мученики запечатлевали собственной кровью, — ясно, как глубоко насаждена была в их сердцах вера в Троицу и как дорожили они ею в деле спасения.

6. **Писания отцов и учителей Церкви**, живших в первые века. Все православные истолкователи Ветхого и Нового Заветов, согласно с Писанием, учили тому, что Отец и Сын и Св. Дух по нераздельному равенству одного и того же существа, составляют Божеское единство, и потому не суть три бога, но один Бог.

7 **Определения Соборов** против еретиков, отвергавших или извращавших учение о троичности Лиц в Божестве.

Церковь пережила большие волнения и выдержала тяжелую борьбу, защищая догмат Пресвятой Троицы. Борьба была направлена сначала на утверждение истины единосущия и равночестия **Сына Божия** с Богом Отцом; затем — на утверждение единосущия **Духа Святаго** с Богом Отцом и Сыном Божиим.

Догматическая задача Церкви древнего периода заключалась в том, чтобы установить такие терминологически точные определения, формулировки догмата Пресвятой Троицы, которые исключили бы возможность иного толкования со стороны еретиков.

Желая хотя бы несколько приблизить тайну Пресвятой Троицы к нашим земным понятиям, приблизить непостижимое к постижимому, отцы Церкви прибегали к образам, заимствованным из окружающей природы: а) солнце, его луч и свет; б) корень, ствол и плод дерева; в) родник, бьющий из него ключ и поток; г) горящие одна при другой три свечи, дающие нераздельный свет; д) огонь, его блеск и теплота и т. п.

К этим подобиям можно присовокупить и несколько других из мира физического и духовного. Так, в мире физическом — всякое тело непременно имеет три измерения: широта, высота, длина; пространство, в котором тела находятся имеет те же самые измерения; время также складывается из трех необходимых частей: прошедшего, настоящего и будущего. В мире духовном — всякая истина непременно включает в себе три условия: представления, предмет представляемый и согласие представления с предметом; всякая добродетель — тоже три: свободное действие, закон и согласие свободного действия с законом.

Более глубокие аналогии можно указать в богоподобной природе человека. По мысли святителя Григория Паламы и других отцов, единой человеческой душе присущи ум, слово и дух (животворящий тело). «Ум наш, — пишет святитель Игнатий (Брянчанинов), — образ Отца; слово наше (непроизнесенное слово мы обыкновенно называем мыслью) — образ Сына; дух — образ Святаго Духа. Эти три силы, не сме-

шиваясь, составляют в человеке одно существо, как в Троице Три Лица неслитно и нераздельно составляют одно Божественное Существо.

Ум наш родил, не престаёт рождать мысль; мысль, родившись, не престаёт рождаться и, вместе с тем, пребывает рожденной, сокровенной в уме...

Точно так же дух (совокупность сердечных чувств) содействует мысли. Потому-то всякая мысль имеет свой дух, всякий образ мыслей имеет свой дух, всякая книга имеет свой собственный дух...

Наш ум, слово и дух, по единовременности своего начала и по своим взаимным отношениям, служат образом Отца, Сына и Святаго Духа, совечных, собезначальных, равночестных, единоестественных».

Но учителя Церкви замечали, что все эти подобные образы преестественной Троицы в мире бесконечно отстоят от Первообраза и могут лишь отчасти напоминать Его. Вот как рассуждает по этому поводу святитель Григорий Богослов: «Что я ни рассматривал сам с собою в любознательном уме своем, чем ни обогащал разум, где ни искал подобия для сего таинства (таинства Пресвятой Троицы), — я не нашел, чему бы дольному (земному) можно было уподобить Божие естество. Если и отыскивается малое некое сходство, то гораздо большее ускользает, оставляя меня внизу вместе с тем, что избрано для сравнения. По примеру других представлял я себе родник, ключ и поток и рассуждал: не имеют ли сходства с одним Отец, с другим Сын, с третьим Дух Святой? Ибо родник, ключ и поток нераздельны временем, и сопребываемость их непрерывна, хотя и кажется, что они разделены тремя свойствами. Но убоялся, во-первых, чтобы не допустить в Божестве какого-то течения, никогда не останавливающегося; во-вторых, чтобы таким подобием не ввести и численного единства. Ибо родник, ключ и поток в отношении к числу составляют одно, различны же только в образе представления. Брал опять для рассмотрения солнце, луч и свет. Но и здесь опасение, чтобы в несложном естестве не представить какой-либо сложности, примечаемой в солнце и в том, что от солнца. Во-вторых, чтобы, приписав сущность Отцу, не лишить той же самостоятельной сущности прочие Лица и не соделать их силами Божиими, которые в Отце существуют, но были бы несамостоятельны. Потому что и луч и свет суть не солнце, а некоторые солнечные излияния и существенные качества солнца. В-третьих, чтобы не приписать Богу вместе и бытия и небытия (к какому заключению может привести этот пример); а это было бы еще нелепее сказанного прежде... И вообще, ничего не нахожу, что при рассмотрении остановило бы мысль на избираемых подобиях, разве если кто с должным благоразумием возьмет из образа одно что-нибудь и отбросит все прочее. Наконец, заключил я, что всего лучше отступить от всех образов и теней, как обманчивых и далеко не достигающих до истины, держаться же образа мыслей более благочестивого, остановившись на немногих речениях, иметь руководителем Духа, и какое озарение получено от Него, то сохраняя до конца, с Ним, как с искренним сообщником и собеседником, проходить настоящий

век, а по мере сил и других убеждать, чтобы поклонялись Отцу и Сыну и Святому Духу, единому Божеству и единой Силе».